

Букетова, Н.

Во сне и наяву: О церемонии открытия памятника Е.А. Букетову / Нурсулу Букетова // Индустриальная Караганда. - 2006. - 12 декабря (№148)

Сегодня в КарГУ состоится торжественная церемония открытия памятника Евнею Арстановичу Букетову.

Первые шаги акима области Нурлана Зайруллаевича Нигматулина были направлены на то, чтобы принести людям тепло: в Шахтинск, Майкудук, м-н "Орбита", мастерскую скульптора Билыка. Тепло как физическое, так и духовное - внимание. Благодаря этому пристальному взгляду Анатолию Петровичу Билыку удалось завершить свою работу - памятник академику Е.А. Букетову. Огромное спасибо и больших успехов нашему акиму.

Когда я была совсем маленькой, у меня был свой кинозал. Внизу под печью находилась полукруглая ниша, в которой хранилась кухонная утварь. Я садилась перед нишей, и это уже было не темное отверстие: там было светло и по невидимым мостикам ходили, трудились маленькие люди. Они никогда не падали со своих мостиков, они беседовали друг с другом... Я смеялась вместе с ними и переживала, если они несли тяжелую ношу... И говорила: "Посмотрите, посмотрите", на что домашние не реагировали. Тогда я не понимала, что вижу маленьких человечков только я.

В четыре года я сильно заболела. Почему-то, как сейчас, я вижу себя сверху, лежащую, а вокруг сидят дедушки во главе с моим отцом и читают молитвы. Мама плачет и причитает: "Она так хотела бархатный капюшон". Возмущаюсь: я и сейчас его хочу, и спускаюсь к себе, лежащей, и выздоравливаю. Каждое утро, проснувшись, я рассказываю отцу, что видела во сне. Он слушает, а потом говорит: "Будешь счастливой, и тебе все будет удаваться в жизни, но когда рассказываешь сон к вечеру, никогда не говори "я видела во сне", говори: "өнімде", то есть "наяву".

Пишу я всегда ночью, поэтому все, что я хочу рассказать вам, дорогие читатели, будет явью.

Лето 1980 года... Я пришла домой к Евнею Арстановичу, к Бапа, как мы его называли. Он сидел на лавочке на вид совершенно спокойный, но во взгляде были такие тоска и страдание... Он был один. С максималистским жестокосердием я спросила: "Толпа подхалимов отхлынула?" И он, вместо того чтобы рассердиться, мягко сказал: "У тебя руки очень похожи на руки Ибрая-ага. Пальцы такие же длинные. Ты знаешь, часто мы не используем возможность, чтобы сказать своим близким, родным о том, что они красивые и талантливые. Как-то легче об этом сказать чужим людям".

Я поняла, что он чувствовал. Оклеветанный, униженный, ставший в одночасье персоной нон грата, он искал поддержки в человеке, который имел отношение к дяде, которого он в своей книге назвал "Жактай-ага", т.е. человек, на которого можно было опереться.

7 ноября 1983 года Евнея Арстановича пригласили на праздничную трибуну.

Он стоял сбоку, но все равно возвышался над всеми рядом стоящими. Я, проходя мимо трибуны, радостно помахала ему флажком, как-будто он меня видел. Мы так надеялись, что наконец-то стала отступать его изоляция от общества.

25 ноября я пригласила Евнея Арстановича в гости. Он пришел вместе с Темиртаем Камзабаевым. Не так часто мне приходилось беседовать с братом, и этот вечер был какой-то особенно теплый, сердечный. Никто из нас не подозревал, что Евней Арстанович будет с нами еще всего две недели, а через сорок дней, 24 января не станет и Темиртая Камзабаевича. Мы сидели и слушали Евнея Арстановича. Очень часто из его уст я слышала имена Шакарима, Магжана Жумабаева, Машхур Жусупа Копеева, аль Машани, о жизни и судьбе которых он говорил с какой-то потаенной болью. Стол был полон яств. Евней Арстанович сказал: "Как все-таки странно в жизни. Когда мог и хотел есть, нечего было кушать. А сейчас все стоит на столе, а есть нельзя. Вот это что такое? Облепиховое варенье? Наверное, попробую". И с удовольствием съел чайную ложку варенья, несмотря на свой диабет.

13 декабря я готовлю свою диссертацию к защите, сижу в библиотеке университета им. Аблай хана. Ко мне подходит моя сокурсница, работающая библиотекарем, и говорит, что мой брат, академик Букетов, в тяжелом состоянии. Боль в сердце дала понять, что его "дэм-түз", т.е. "хлеб-соль" на этой земле закончились.

Когда я защитила диссертацию в Ленинграде, то очень сожалела, что Бапа не узнал об этом. На утверждение диссертации обычно уходило полгода. И вдруг я вижу сон: будто Евней Арстанович сидит в своем кабинете на Гоголя, 38. Я подхожу к нему радостная и думаю: значит, он уже на работе. Он берет чистый лист бумаги, ставит свою подпись и отдает мне. Утром я получаю открытку о том, что диссертация моя утверждена. Евней Арстанович идет по улице, на нем темно-серый костюм. Вдруг он останавливается и говорит мне: "Завтра приезжает академик Кайдаров. Будьте к нему повнимательнее". И действительно, утром мне сообщили, что Абдуали Туганбаевич едет в Караганду.

Слова Бапа я понимаю буквально и начинаю искать барана и думать о том, как встречу академика. Но, к сожалению, академик Кайдаров с гипертоническим кризом попадает в Караганде в больницу. Только тогда я поняла, что Евней Арстанович пытался предупредить через меня о том, что надо позаботиться прежде всего о здоровье гостя.

16 декабря 2005 года. Я иду вслед за Евнеем Арстановичем. Он впереди меня. Синий чапан его висит на одном плече. Мы в старинном дворце, похожем на один из тех, которые стоят на площади Цветов в Брюсселе. Мы входим в его кабинет. Стеллажи старинных фолиантов. Я медленно оглядываю все великолепие, которое почему-то невесомо. Бапа разговаривает со мной не словами, а взглядом. Он говорит: "Попав сюда, я обрел свободу от земного унижения. Здесь я продолжаю заниматься наукой. Я родился вовремя, но мои идеи и мысли были не ко времени". Не спеша мы проходим через анфилады комнат и выходим на зеленую лужайку, на

которой вообще нет пыли. Евней Арстанович опять говорит мне: "Мой храм был не только в моей душе, но я пытался его увеличить до размеров мира". Я пытаюсь спросить: а разве это возможно?.. И просыпаюсь.

Говорят, что первый человек был вылеплен из глины. Я охотно верю в это, когда наблюдаю, как из-под пальцев Анатолия Петровича Билыка появляются знакомые черты, легкая улыбка Евнея Арстановича. Неустанно трудится скульптор Билык, забывая о еде, не замечая холода в мастерской, с легкостью взбираясь на строительные леса, несмотря на свой возраст.

Благодарение Богу за вдохновение! Снимаю шляпу перед Вами, Мастер. Молча стоим у памятника, мимо которого будут спешить сотни студентов. Евней Арстанович молча будет смотреть на них, творение Бога и Человека. Дух академика через материальное - памятник будет охранять молодых, давать новые научные идеи и способствовать процветанию науки. Я верю в это.

Букетов university